

смотрится смешно, но на те деньги я мог купить «Фольксваген-Жук». Однако в тот год производство этой машины было переведено в Мексику — она стояла в Мюнхене на витрине, но в продаже ее не было. На те деньги я накупил аппаратуры, подарки своим родным и близким, но вернулся без авто.

— А государство разве премии не забирало?

— Нет, премии не трогали. Мало того, нам суточные выдавали. Был такой закон, по которому премии на международных конкурсах даже налогами не облагались.

Потом уже львиную долю гонораров от зарубежных гастролей забирал «Госконцерт». За гастрольный концерт мы получали гонорар в зависимости от фиксированной ставки и потом уже надбавок за звание, за мастерство, за гастрольную деятельность и так далее. У наших великих уровня Рихтера и Гилельса делали стопроцентную надбавку. И это выросло у них в \$500, максимум \$1 тыс. за концерт. То есть, когда там платили \$5 тыс., они с него получали лишь часть. Я, по правде сказать, несколько лет получал подобные надбавки.

Первые серьезные западные гастроли у меня были с Московским камерным оркестром в Германии. Было 17 концертов. За эти концерты я получал гонорар по 2 тыс. марок за каждый, что для молодого музыканта считалось очень и очень хорошо. Но фактически мне доставалось по 154 марки. Но все равно в результате я получил тогда, по моим представлениям, громадную сумму, которая обеспечила все мои мечты на тот момент. Я купил видеокамеру, пластинки и еще какие-то мелочи. Мечтал приобрести новый автомобиль. У меня был к тому времени от папы «Запорожец», но мне хотелось «Жигули». Поэтому когда нам в следующий раз уже с другом-пианистом предложили гастрольный тур по Германии, я рассчитал точно, какую сумму я привезу, какую оставлю «Госконцерту», где именно обменяю деньги и в какой именно «Березке» смогу купить эту машину.

Чтобы сэкономить на еде, мы решили взять с собой продукты на весь тур, уместив их в огромный чемодан. В первый же день в Мюнхене женщина, организовавшая концерты, угостила нас прекрасным ужином — со шницелем, пивом, как сейчас помню. Мы были в восторге и не воспользовались продуктами. На следующее утро завтрак оказался тоже бесплатным. Мы удивились, но посчитали, что снова экономим на

ЮРИЙ МАРТЬЯНОВ

Считаю, что у меня есть все, что я заслужил. Остальное — мне просто не нужно

еде и это хорошо. Организатор гастролей по дороге стал расспрашивать, в каком ресторане мы бы хотели пообедать, а затем и поужинать. Это нас смутило, но вскоре в разговоре выяснилось, что менеджер кроме оплаты концертов нас кормит весь тур. Надо сказать, что тот менеджер понимал, с кем имеет дело, он работал с лучшими русскими музыкантами — у него был Рихтер, квартет имени Бородина, Татьяна Николаева, Баршаевский оркестр, Третьяков, Кремер и я вот молодой появился.

— Что же вы сделали с чемоданом еды?

— В час или два ночи мы сложили нашу еду в пакеты. Стараясь не шуметь, пробрались к выходу в гостинице. Темными мюнхенскими переулками вынесли все продукты и с грустью опустили их в мусорный бак.

— А «Жигули»-то купить удалось?

— На родине все было непросто. Нужно было собрать большую кучу справок, чтобы иметь возможность купить машину в принципе. Продавец «Березки», которому сдавал уже справки и все разрешения, недоумевал, как такой молодой музыкант может получить столько денег. А потом я узнал, что, пока оформлялись все эти справки, курс марки резко взлетел и те деньги, что откладывал на покупку «Жигулей» подорожали настолько, что у меня появилась возможность купить целую «Волгу». Но на «Волгу» нужно было еще особое разрешение — на нее имели право люди в статусе директора завода, не ниже. Пришлось доказывать свое право на приобретение авто. В конце концов мой друг, который занимался оформлением всех этих бумаг, не вы-

держал и гаркнул на продавца: «Пока ты гонял мяч во дворе, он по восемь часов занимался на скрипке, чтобы защищать честь страны...» Покупатели вокруг нас шумно поддержали. Продавец сдался. Так я стал счастливым обладателем «Волги».

— В СССР о деньгах не принято было говорить в обществе. Это тема была табуирована едва ли не больше, чем секс.

— Может быть, но, как и о сексе, мы о них говорили — на кухнях и шепотом... Сейчас принято считать, что Советский Союз — плохой. Но нельзя же очернять все. То, что касалось образования, и музыкального образования в частности, всегда было на высочайшем уровне. Любая мама понимала, что, выбирая творческую специальность для своего ребенка, лучше всего — музыка. Если ты хотел заниматься поэзией или стать писателем, можно было столкнуться с цензурой. То же касалось художников, которые искали свои пути самовыражения, — авангард был вне закона, его могли объявить антисоветчиной. А вот исполнителей и композиторов цензура практически никак не касалась.

В каждой семье, и в нашей — не исключение, знали, что к деньгам нужно относиться с уважением, причем с большим уважением. Но когда тыходишь на сцену, ты действительно обо всем этом забываешь — тебе важно, что ты делаешь в данный момент и для кого ты делаешь.

— Тем не менее вы ведь наверняка во что-то вкладываете деньги?

— Вкладываю? Да. В детей и внуков. В их благополучие, здоровье, образование. Да и себе, наверное, могу что-то позволить. Конечно, если быть очень расчетливым, незачем летать в бизнес-классе. Но тогда мне нужно будет думать, куда положить в салоне футляр с инструментом и т. д.

Деньги для меня — это здоровье, комфорт и удовольствие. Я не должен задумываться о том, сколько стоит кофе утром, сколько стоят струны для инструмента, сколько стоят хорошие концертные туфли. Если мне понравится вещь, которую я бы хотел, наверное, не уйду, сказав, что это слишком дорого. Но у меня нет несбыточных желаний и амбиций. Мне никогда не хотелось иметь личный вертолет или самолет. У меня нет недвижимости за рубежом. Считаю, что у меня есть все, что я заслужил. Остальное — мне просто не нужно. На мой взгляд, деньги не должны мешать заниматься своим делом. ●